

Филология

УДК 821.161.1–94:929*А. И. Лизюков

Правда танков:
Воронежское сражение 1942 года в свидетельствах военкоров

И.Н. АФАНАСЬЕВ

Анализируются публикации и архивные материалы советских писателей-военных корреспондентов, посвященные сражению 1942 г. под Воронежем. Сделан вывод о большом значении этих материалов, которые позволяют восстановить объективную картину исторического события и его участников.

Ключевые слова: Воронежское сражение, военный корреспондент, мемуары, архивный источник.

The publications and archival materials of Soviet writers-military correspondents dedicated to the battle of 1942 near Voronezh are analyzed. The conclusion is made about the great importance of these materials, which allow us to restore the objective picture of the historical event and its participants.

Keywords: Voronezh battle, military correspondent, memoirs, archival source.

Сразу после выхода в 1964 г. в «Воениздате» книги А.Ю. Кривицкого «Не забуду вовек: Записки военного корреспондента», в которую был включен очерк «Воронежские страницы», посвященный боям 5-й танковой армии под Воронежем в июле 1942 г., на эту работу собрата по фронтовой «Красной звезде» откликнулся К.М. Симонов: «...мне хочется выделить в книге то самое лучшее, что есть в ней, на мой взгляд. Лучшие ее страницы, по-моему, связаны с возникающим перед нами очень интересным, цельным, драматическим образом генерала Лизюкова. С одной стороны, хочется тут сказать автору на будущее: “Так держать”, а с другой стороны, мне представляется, что эта работа о Лизюкове могла бы, при дальнейшем расширении темы и материала, превратиться в самостоятельную и очень интересную книгу» [1].

Когда Симонов писал эти строки, он, безусловно, чувствовал особую человеческую подоплёку фронтовых событий, в центре которых был командующий 5-й танковой армии, гвардии генерал-майор Александр Ильич Лизюков и по воле случая оказался Кривицкий. Драматургия истории открывала заманчивые перспективы темы, связанной с образом крупного, талантливого военачальника. Задачи человековедения призывали для своего решения возможности большой литературы и, вроде бы, делали рекомендованное Симоновым «дальнейшее расширение темы» неизбежным. Однако они же и устанавливали жесткие границы, сочетая несочетаемое, обуздывая литературное, писательское свободомыслие зависимостью от мнения живых людей. То и другое выплескивалось в уклончивом полунамеке, сопровождавшем в книге Кривицкого конфликт заместителя командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова и командира 2-го танкового корпуса Лизюкова, согласно Директиве Ставки от 15 июля 1942 г. сложившего полномочия командарма. По приказу Чибисова, дважды подтвержденному, Лизюков сел в танк и без прикрытия резервной бригады, дожидаясь которой ему не позволили, 23 июля ушел в бой, откуда не было возврата: «Может быть, не повезло Лизюкову в июле 1942 г. на старшего начальника? Обоих давно уже нет в живых, и не мне спустя столько лет, за могильной чертой, решать их давний спор» [2, с. 236].

В результате расширения текста не произошло. Наоборот, в одном из последующих книжных переизданий исчезло упоминание о телеграмме Лизюкова Сталину от 16 июля 1942 г., в которой Александр Ильич возражал против Директивы Ставки о расформировании 5-й танковой армии: «Родной товарищ СТАЛИН, очень прошу временно приостановить расформирование 5 танковой армии. У Вас односторонняя информация. Боевые действия войск определяются не количеством пройденных километров, а результатом боев. Прикажите на месте проверить все операции нашей армии. А. Лизюков» [3]. Телеграмма была обнаружена Кривицким в фондах 5-й танковой армии в ЦАМО и, по замечанию автора «Воронежских

страниц», была оставлена Сталиным «без внимания» [2, с. 234]. Сейчас нам известно, что это заблуждение, до сих пор бытующее. Сталин быстро ответил командарму и, не бросив Лизюкову никаких обвинений в якобы «неумелом» руководстве, спокойно объяснил мотивы своего решения: «Т. Лизюкову. Считаю невозможным отменить решение о расформировании танковой армии. В настоящее время целесообразнее действовать отдельными танковыми корпусами. Сталин» [3]. Спустя еще несколько дней Верховный Главнокомандующий, прислушавшись к доводам Лизюкова, отменил приказ о расформировании 5-й танковой армии, хотя Лизюков, к несчастью, дожить до этого решения не успел: он погиб в танковом бою.

Кривицкий не мог тогда знать о позиции Сталина и невольно переводил образ Лизюкова из исторического в литературный. На «Воронежских страницах» возникал портрет человеческого отчаяния, нарисованный под впечатлением первой встречи с командармом 8-го июля 1942 г. и нескольких последующих: «...я увидел Александра Ильича и сначала не узнал его в человеке с серым усталым лицом, но возбужденном какой-то сидевшей в сердце занозой» [1, с. 226]. Предполагаемое безразличие Сталина к Лизюкову отправляло такой образ командарма в скорое трагическое будущее полководца. Образ Лизюкова, терпящего поражение, знающего об этом, существующего на грани неминуемого срыва, закреплялся в истории надолго. Свидетельства командира 1-го танкового корпуса М.Е. Катуква, который ссылался на тех, кто видел Лизюкова в труднейшие дни воронежских боев и говорил, что «внешне он оставался спокойным» [4, с. 163], или сослуживцев Александра Ильича, отмечавших хорошее настроение Лизюкова в день выезда на последнее в жизни боевое задание, в расчет не принимались.

Минута, замершая в картине мастера, становилась больше всей жизни героя, о котором инженер-капитан 5-й танковой армии Н. Цветанович, хорошо знавшая Лизюкова, скажет: «Вообще при сложной обстановке ничего бытового уже не замечал, весь поглощенный работой. Был храбр и смел, но не безрассудно, а как-то сознательно. Знал, что нужно сделать, нужно добиться, и эта необходимость занимала его целиком, захватывала больше, чем все остальное» [5]. Безысходность остановленного в «Воронежских страницах» мгновения поглощала и судьбу безутешной вдовы Анастасии Кузьминичны Лизюковой: «Она тяжело заболела в 1953 г. ... <...> Она умерла, так и не прочитав, не увидев своими глазами подтверждения того, что Александр Ильич был чист, незапятнан и погиб как герой» [2, с. 238]. Литератор побеждал историка, который, не уменьшив трагический накал чувств любящей женщины, покусился бы на законы художественного жанра. Сюжет о неизвестной судьбе героя меркнул перед канцелярским слогом решений Совнаркома и Президиума Верховного Совета СССР в январе и июле 1943 года, где официально говорилось о «погибшем на боевом посту Герое Советского Союза генерал-майоре А.И. Лизюкове». (Постановление Совнаркома определяло размер единовременного пособия вдове героя и ее пожизненной пенсии, а Указ Президиума Верховного Совета СССР присваивал имя Лизюкова 1-му Саратовскому Краснознаменному ордену Красной Звезды танковому училищу).

Случайно ли Кривицкий отказался от притягательных литературных побед в новых переизданиях «Воронежских страниц»? Чем руководствовался, когда расширению темы в очерке предпочел ее сжатие, исключив выигрышные повороты сюжета, сократив упоминание о вдове и ее безуспешных обращениях к Сталину с одним-единственным вопросом: «... где и как погиб мой муж и где остался его труп?..» [2, с. 238].? Кто знает... Таинство творчества свято оберегает помыслы художника. И все-таки расширение темы происходило, но по-другому: в тонкой ученической тетради в косую линейку, куда Кривицкий делал выписки из боевых документов 5-й танковой армии. Документалистика войны выстраивалась в сюжет похлеще литературного и одновременно проводила охранную черту, разделявшую автора и участников «давнего спора». Перейти эту черту Кривицкий не мог. И не только в силу личного выбора.

Сцена, что на глазах Кривицкого разыгралась 8-го июля на КП и в штабе 5-й танковой армии, «давала немного: по крайней мере один корпус армии плохо решал свою задачу» [2, с. 229]. Реплика Лизюкова «Где командир корпуса? Где Попов?» [2, с. 228], услышанная писателем на КП корпуса, в «Воронежских страницах» еще повисала в воздухе, электризовала общую атмосферу тех дней. Но в выписках Кривицкого она обретала плоть и кровь, превращала историческую драму в драму человеческих отношений, всего-то вобрав в себя четкую боевую характеристику невыдуманного персонажа: «История с 11 ТК Попова. Приказ получен 6

июля. Заявки Попова на авиацию. Лизюков считал неспособным к-ра 11 танкового корпуса. 6 и 7 июля по вине Попова были потеряны» [6]. Витиеватый рисунок боевых донесений, докладов, отчетов сплетался в липкую паутину. В тексте книги она напоминала о себе фразой офицера связи («Там такая каша... Командующий наводит порядок. Вроде начинаем продвигаться...» [2, с. 229]).

15 сентября 1966 г. «Литературная газета» опубликовала статью военного корреспондента М.Г. Брагина «Сущность подвига» о книге Кривицкого «Не забуду forever». Брагин по-настоящему знал танковое дело и любил танкистов, портрет Лизюкова у Кривицкого считал «одним из лучших в литературе о Великой Отечественной войне» [24, с. 3], разделяя мнение Симонова. «Я хорошо знал Александра Ильича Лизюкова, честного, горячего, самоотверженного, храбрейшего танкиста...» [7, с. 3] – подчеркивал Брагин свое личное отношение и к судьбе генерала, и к работе Кривицкого, которую оценивал в сплаве воинской профессии героя и его психологии, его чувств. «Для того чтобы размышлять вместе со своим героем, надо знать тайное тайных его мышления, его дела, ибо жизнь человека есть деяние, как сказал Горький. В этом смысле раскрытие образа военачальника – одна из труднейших задач в литературе, – писал Брагин. – Любовь, ревность, ненависть, коварство и благородство – эти чувства всем понятны, особенно если герои действуют в привычных житейских сферах. Читателю неизмеримо трудней сопереживать военачальнику, думающему о своих профессиональных задачах, хотя от их решения зависит жизнь и смерть десятков тысяч людей и самого военачальника. Проблема жизни и смерти – острейшая в литературе – уходит для командира как бы на задний план, закрывается главной проблемой: победа или поражение» [7, с. 3].

В ученической тетради Кривицкого, расчерченной косыми линиями прописей, столкновение двух великих и страшных истин войны происходило «в лоб».

Вначале быстрым почерком в тетрадь внесен «Приказ 11-го танкового корпуса от 11 июля 1942 г.», под которым вместо прежнего командира, генерала Попова, стоит подпись нового – полковника Мальцева: «Темпы продвижения преступно медленные. Вместо того, чтобы энергично, на высшей передаче выбрасываться вперед и тащить за собой пехоту и артиллерию, бригады разворачиваются на каждый выстрел и почти стоят на месте. Приказываю: невзирая на огонь танков и противотанковых орудий энергично на высшей передаче продвигаться вперед, командирам не плестись в хвосте, а равняться по впереди идущим. К 11.00 занять Землянк. На оставшиеся в тылу любые части противника внимания не обращать. Действовать быстро и энергично. Прекратить нудные подготовки артиллерийских данных на топоснове (*топографической основе*. – И.А.) – мы сегодня не в обороне, а во встречном наступательном бою. Командир 11 ТК Мальцев» [8].

Однако предпоследняя страница записей немилосердно возвращает в прошлое, которое и рождало, и губило надежды на успех. Три дня «Воронежских страниц», с 8-го по 11-е июля, вмещаются в несколько чернильных строк: «Командование 11 ТК в лице ген. Попова доносило, что танковые бригады продвигаются вперед. На самом деле этого не было. Когда за этот обман генерал-майор был отстранен, то его начальник опер. отдела подполковник Н. (*фамилия не названа мною по этическим соображениям*. – И.А.) в своем письменном и устном указании командованию бригад, действуя якобы от имени командира корпуса, отменил приказ о наступлении, данный новым командиром корпуса полковником Мальцевым» [9].

Не обнаруживая себя для суетного взгляда, жестокое столкновение двух миров войны придавало физически ощутимое напряжение диалогам, репликам, жестам собеседников писателя в кульминационных эпизодах «Воронежских страниц», а Брагину позволяло делать вывод о том, что «писатель победил здесь журналиста» [7, с. 3]. Узнав о трудностях танковой армии и отсутствии привычной журналистской фактуры, которая на фронте предпочитает не поражения, а победы, Кривицкий, по тонкому наблюдению Брагина, остается у Лизюкова. Остается с человеком, который не приемлет утешения, не ждет сочувствия, не ищет истину в «горькой» («... в ней правды тоже нету. Лично проверял» [2, с. 233]), но с достоинством принимает бремя полководческого выбора, в котором «победа или поражение» всё-таки начинаются с «жизни и смерти».

У танкистов для этого начала есть имя: темпы. Военный комиссар Первой Гвардейской Московской дивизии Мешков, называя Лизюкова «природным танкистом», не забыл его совет 1941 г.: «...мы, моторизаторы, должны изучать маневренность дивизии» [10]. В июле 1942-го потеря темпов танкового наступления стала человеческой трагедией в настоящем и обретением литературы в будущем, когда писатели овладевали навыком извлекать соль вещей из военных сводок.

Брагин ценил эту правду танков у Кривицкого: «Люди сведущие знают, что за потерей темпов кроется остановка наступления, даже поражение наступающей армии, напрасная смерть тысяч и тысяч людей, позор для военачальника, чувство вины перед Родиной, перед подчиненными и перед командованием, страстная мечта попытаться всё переиграть, повторить наступление, доказать, что ты был прав, а при невозможности этого – сознание напрасно прожитой жизни. Правда наступления танковых армий – в их массировании и стремительности, а эта правда не восторжествовала... Кто из читателей будет сопереживать Лизюкову, не понимая значения фразы – “правда в темпах”?» [7, с. 3].

Однако накал сопереживания посягал на литературные устои образа. Под грузом обнаружившегося предательства отчаяние минуты превращалось в долгую, холодную решимость, в то самое внешнее спокойствие, которое в последние дни Лизюкова всем бросилось в глаза. Правда танкиста, «моторизатора» превосходила правду человека, ибо изначально не укладывалась в привычный аршин. В отличие от литературы, война не оставляла открытого финала. Ее тяжелая длань суд Божий и человеческий вершила по-своему. «Тайное тайных» имело там смысл лишь постольку, поскольку от него зависела жизнь и человека, и человечества. Жизнь тех, кто принимает решения, и тех, кто тяжесть этих решений испытает на себе.

Подполковник, который обманом отменил наступление, был расстрелян...

Война изобилует примерами и с нашей, и с противоположной стороны, которые и могли бы приглушить боль, да каков прок в утешении? Легче ли от того, что заградотряды в вермахте появились задолго до сталинского приказа № 227? Снимет ли камень с нашей души немецкий граф Шпонек, приговоренный к расстрелу за не согласованный с германским командованием приказ об отступлении своего корпуса в Крыму? Или пагубно как раз сомнение в беспощадности фронтовой злобы дня, которой рождены строки «Боевого приказа № 021», изданного Катковым 23 июля 1942 г. в разгар боев под Воронежем: «Предупреждаю командиров бригад, что за повторение преступной медлительности в действиях, за “оглядывание назад”, за несвоевременность донесений и плохую связь буду немедленно отстранять от должности и предавать суду» [11].

Эмоция войны – состояние особое. Кто не был там, права на рассуждение о ней не имеет. Разве что вдове сердце подскажет нужные слова. Из воспоминаний Анастасии Кузьминичны Лизюковой о муже: «Бывает человек суровый, иногда сердитый, злой. Он никогда ни суровым, ни злым не был, хотя говорят, что он в бою на фронте злой, но там и ангел будет злым...» [12]. И беззлобная, понятная фронтовику шутка долетит до вдовы командарма вдогонку тому, что бесповоротно свершилось: «Мне рассказывали, с Калининского фронта: как только услышим где-нибудь, что генерал едет в часть, так все ждут, радуются и хотят его видеть, как отца. Приедет, бывало, кого выругает, кого пожалеет или похвалит, а иногда кому-нибудь скажет: “Смотри, еще раз что-нибудь подобное, сам приеду и расстреляю”. Пожмет руку и уедет» [13].

Особенно жаркими танковые бои были с 11 по 14 июля 1942 г., «экипажи находились в танках по 16–18 часов непрерывно при температуре 50–60 градусов» [14]. В «Очерках о танковых войсках и танкистах» Брагин так передает ощущения экипажа в бою: «Выстрелов экипажи танков, как обычно, почти не слышат. В танке стоит грохот и звон ответных оружейных ударов, шум мотора, лязг гусениц. Экипаж танка, как обычно, совершает свой трудовой процесс. Под ним качается земля, на подъемах показывается полоса неба, видны рядом идущие, стреляющие свои танки и видно, как все чаще и ближе фонтаны земли, вздымаемые снарядами противника. От их близких разрывов иногда содрогается корпус танка, разлетаются оптические прицелы, лопаются приборы, слепнет могучая машина, а люди, превозмогая обморочное состояние, продолжают свой боевой труд. <...> Они первые идут в бой, они первые открыто смотрят смерти в глаза» [15].

Строчка из «Записной книжки» Брагина летом 1942 г. о «южных стремлениях» немцев, наших танковых возможностях и Лизюкове разрасталась в очерках писателя до гигантской панорамы всемирного побоища и переселения народов. Тысячи машин, подвод и телег с семьями, тракторов с прицепами армейских тылов; крик, плач, рев моторов над колоннами, «ползущими к переправам» в надежде на спасение за Доном и Волгой. Переправы пропускали 20–30 машин в час из тысячи, которые подходили каждый день: «Они переправлялись на восточный берег неделями, у переправ веерами скапливались на десятки километров машины, люди, кони, и немецкие танки прорывались к ним, чтобы, прижав к реке, уничтожить» [16]. Немцев сдерживали танковые войска.

В книге «Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Стратегический и тактический обзор» английский военный теоретик Дж. Фуллер назвал сражение за Воронеж «одним из самых роковых» для немцев «за время всей войны» [17, с. 244], будучи несомненно уверенным, что

русские войска, сосредоточенные к северу от Воронежа, прибыли вовремя и спасли русским всю кампанию [17, с. 245]. (В таком случае глупо отрицать, что танковая армия Лизюкова сыграла в подготовке стратегического краха германской военной машины на южном направлении важнейшую роль). Другой англичанин – журналист Александр Верт, который годы войны провел в Советском Союзе, выезжал на фронт, жил жизнью советской столицы и соотносил собственные оценки со стратегическим мышлением страны, – в итоге написал книгу «Россия в войне 1941–1945», где тоже есть свои «воронежские страницы». Излагая стратегический план немецкого командования на 1942 г., Верт первой причиной, по которой в изначальный замысел были внесены «роковые изменения», впоследствии стоившие Германии победы, тоже называет остановленное наступление под Воронежем [18, с. 290]. В общей, по оценке англичанина, весьма мрачной обстановке провал попытки немцев прорваться под Воронежем имел очень существенное значение [18, с. 291]. Со слов Верта, военные наблюдатели в Москве, в числе которых журналист выделяет французского военного атташе генерала Пети, близкого к высшему советскому военному руководству, придавали этому провалу «величайшее значение» [18, с. 291] и рассматривали его как ликвидацию серьезнейшей угрозы Москве.

Не исключено, что вездесущий военкор Ю.А. Жуков воспользовался информацией из тех же кругов, когда начал свою статью 1942 года о войне на южном направлении с общей стратегической оценки происходящего. Но первые две страницы его рукописи были твердо вычеркнуты цензором с вопросом на полях: «Откуда всё это известно автору?» [19].

История только намеревалась сказать свое слово о Воронежском сражении и его истинных героях...

Литература

1. РГАЛИ. – Ф. 1814. – Оп. 9. – Д. 459. – Л. 29.
2. Кривицкий, А. Воронежские страницы / А. Кривицкий // Не забуду вовек. Записки военного корреспондента. – М. : Воениздат, 1964. – С. 168–240.
3. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 60. – Л. 39.
4. Катуков, М.Е. На острие главного удара / М.Е. Катуков. – М. : Воениздат, 1974. – 429 с.
5. ОПИ ГИМ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 78.
6. РГАЛИ. – Ф. 3126. – Оп. 1. – Е. х. 43. – Л. 8.
7. Брагин, М. Сущность подвига / М. Брагин // Литературная газета. – 1966. – 15 сентября. – С. 3.
8. РГАЛИ. – Ф. 3126. – Оп. 1. – Е. х. 43. – Л. 4.
9. РГАЛИ. – Ф. 3126. – Оп. 1. – Е. х. 43. – Л. 9.
10. Научный архив ИРИ РАН. – Ф. 2. – Разд. 1. – Оп. 12. – Д. 15. – Л. 12.
11. ЦАМО РФ. – Фонд 1тк. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 51.
12. Научный архив ИРИ РАН. – Ф. 2. – Разд. 4. – Оп. 1. – Д. 238. – Л. 15.
13. ОПИ ГИМ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 61об.
14. Научный архив ИРИ РАН. – Ф. 2. – Разд. 1. – Оп. 117. – Д. 2. – Л. 8.
15. РГАЛИ. – Ф. 618. – Оп. 2. – Е. х. 589. – Л. 52–53.
16. РГАЛИ. – Ф. 618. – Оп. 2. – Е. х. 589. – Л. 13.
17. Фуллер, Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг.: стратегический и тактический обзор / Дж. Фуллер. – М. : Иностранная литература, 1956. – 550 с.
18. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. – М. : Прогресс, 1967. – 774 с.
19. РГАЛИ. – Ф. 618. – Оп. 2. – Е. х. 133. – Л. 105.

Условные сокращения

- ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук.
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.